

С.М. Тиллоева
г. Екатеринбург

ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЯЗЫК

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общее языкознание; специальная грамматика; универсальная грамматика; языковые универсалии; универсалии языка

АННОТАЦИЯ: общелингвистический взгляд на язык стал зарождаться еще в античности и Средние века, но большую отчетливость он приобрел в универсальных грамматиках Нового времени и В. Гумбольдта. Его своеобразие состоит в том, что в любом языке он видит язык вообще.

THE GENERAL LINGUISTICS' VIEW OF THE LANGUAGE

KEY WORDS: general linguistics; special grammar; universal grammar; language universals; universals of language

ABSTRACT: the general linguistics' view of the language was originated in the antique and medieval times and evolved in a conspicuous ideology in the universal grammars of the New Time and in the Humboldtian conception. Its key ideological principle holds that any natural language can be viewed as the language in genere.

Методы лингвистического анализа изучаются наукой, которая может быть названа лингвистической методологией или лингвистической гносеологией. Каково ее место в научно-отраслевой структуре лингвистической науки в целом?

Если лингвистическая онтология – учение о бытии языка, то лингвистическая гносеология – учение о способах его познания. В свою очередь, внешняя лингвистика отличается от внутренней тем, что в первой язык изучается в связи с другими, неязыковыми, объектами, а во второй он исследуется как таковой. Но каждая из указанных областей знаний имеет свою научно-отраслевую структуру.

Основу научно-отраслевой структуры лингвистической гносеологии составляет система общих (философских) и частных (лингвистических) методов. Вот почему лингвогносеология делится на общую и частную. В общей лингвогносеологии исследуются методы,

имеющие отношение к любой науке – абсолютистский, релятивистский, диалектический и т.п. В частной же лингвотипологии мы имеем дело с методами, которые могут использоваться не в любой науке, а лишь в некоторых – в частности, в лингвистике.

Частнолингвистические методы делятся на две группы – дихотомические и недихотомические. К первой из них относятся следующие диады методов:

- унификационный – сравнительный;
- синхронический – диахронический;
- семасиологический – ономасиологический;
- структурный – функциональный.

К основным недихотомическим методам лингвистического анализа относятся следующие:

- дисциплинарного анализа;
- языкового поля и компонентного анализа;
- когнитивного анализа;
- дискурсивного анализа.

Унификационный метод в лингвистике предполагает рассмотрение отдельного языка – либо конкретного языка (греческого, латинского, французского, русского, китайского и т.д.), либо языка вообще. В первом случае мы имеем дело со специальной (частнолингвистической) формой унификационного метода в лингвистике, а во втором – с его общелингвистической формой. Результат применения первой – специальное (частное) языкознание, результат применения другой – общее языкознание.

История языкознания свидетельствует, что лингвистическая наука зародилась в древности главным образом как специальная лингвистика (в частности – как специальная грамматика). В качестве специального рассмотрения в Индии оказался санскрит, в Греции – греческий, в Риме – латынь.

Первые национальные грамматики в Европе стали появляться в XVI-XVII вв. Во Франции такие грамматики написали Ж. Дюбуа, Л. Мегрэ, П. Рамус, Ж. Гарнье, Ж. Пийе, А. Матье и др., в Англии – У. Лили, У. Буллокар, А. Джил, Б. Джонсон и У. Уолкер [Даниленко, 2007, 192], а в Германии – Ю.Г. Шоттель, И. Гильберт, Х. Пудер, И. Праша, К. Штилер и др. [Там же. 202].

Первые авторизованные грамматики старославянского (церковнославянского) языка были написаны в XVII в. Лаврентием Зизанием и Мелетием Смотрицким [2; 6].

Первая грамматика русского языка была написана немцем Генрихом Лудольфом. Она была издана в Англии в 1696 г. на латин-

ском языке [Там же. 10]. В первой половине XVIIIв. появились грамматики русского языка, написанные русскими – И.С. Горлицким и В.Е. Адодуровым. Первый написал свою краткую грамматику на французском, а второй – на русском. Однако грамматика В.Е. Адодурова осталась в рукописном варианте.

Подлинным основателем русского языкознания стал М.В. Ломоносов. Его «Российская грамматика» вышла в свет в Санкт-Петербурге в 1755 г. Как Прометей, ее автор осветил этой грамматикой весь дальнейший путь, по которому пошла лингвистическая наука в России. В ней имеется также зародыш и общего языкознания [Там же. 6-24].

Общелингвистический взгляд на язык пробивал себе дорогу в науке с трудом. Впервые он забрезжил на горизонте древнегреческой философии. Так, несмотря на то, что Платон (427-347 до н.э.) в своем диалоге «Кратил» демонстрировал истинность своей теории звукового символизма на примерах из своего родного языка, он имел в виду общелингвистическую применимость этой теории, поскольку считал, что в любом языке звуки в словах должны соответствовать природе обозначаемых ими вещей [6;119-120].

Общелингвистический взгляд пробивал себе дорогу в сочинениях и других античных философов – Аристотеля, Секста Эмпирика, Хрисиппа, Диогена Вавилонского и др. Когда, например, стоик Диоген Вавилонский писал, что «предложение есть звук, исходящий из рассудка» [Там же. 124], он имел в виду предложение вообще – предложение, которое создается говорящим на любом языке.

Свой вклад в зарождение общелингвистического взгляда на язык внесли средневековые отцы церкви – Василий Кесарийский, Григорий Нисский, Аврелий Августин, жившие в IV в. [Там же. 133]. Наряду с защитой таких библейских мифов, которые могут вызвать у нас снисходительную улыбку (напомним хотя бы о «языке» Адама и «вавилонском столпотворении»), в своем стремлении подвести рациональную основу под христианскую мифологию, связанную с языком, средневековые богословы сумели добиться определенных успехов. Они поставили новые для своего времени вопросы – вопросы, связанные с элементарной коммуникацией у животных, невербальным мышлением и внутренней речью у людей. Они смогли также в какой-то мере диалектически подойти к проблеме соотношения мышления и языка. С одной стороны, они настаивали на тесной связи мысли со словом, а с другой, не считали эту связь абсолютно неразрывной. При этом они имели в виду любой язык, а стало быть, в богословском дискурсе прокладывали путь к общему языкознанию.

Грамматистов позднего средневековья (Боэция Дакийского, Мишеля де Марбэ, Сигера де Куртрэ, Томаса Эрфуртского и др.) стали называть модистами, поскольку свои грамматические труды они обычно называли трактатами о модусах (способах) обозначения. В этих трудах мы находим обоснование разницы между общим и частным языкознанием уже в рамках лингвистической науки как таковой. В особенности это касается сочинений Р. Килвордби. Еще в XIII в. общую грамматику он стал связывать с универсальной природой человеческого мышления – не только в логическом, но и в содержательном отношении. Задолго до авторов грамматики Пор-Рояля Р. Килвордби стал на универсалистскую позицию по отношению к языку. Специальную грамматику он воспринимал как один из вариантов общей грамматики, который отличается от других не с содержательно-мыслительной (семантической), а с формальной (звуковой) точки зрения. Как и другие модисты, латинский язык он считал идеальным вариантом языка вообще. Вот почему латинские примеры у модистов выступают как иллюстрации тех или иных общелингвистических положений. Нет ничего удивительного в том, что Томас Эрфуртский назвал свою грамматику «спекулятивной», т.е. общей, универсальной, философской.

Универсальные грамматики в Европе расцвели пышным цветом в XVIII в. (Ц. Дюмарсэ, Н. Бозэ, Э. Кондильяк, Дж. Хэррис, Й. Майнер, Й. Аделунг и др.). Вдохновительницей их авторов стала грамматика Пор-Рояля (1660), авторами которой были Антуан Арно и Клод Лансло. Об общелингвистической направленности этой грамматики свидетельствует ее название: «Общая и рациональная грамматика...». Модистский универсализм получил в ней второе дыхание. Именно с грамматики Пор-Рояля начинается отсчет универсализма в европейской языкознании.

Логический универсализм авторов грамматики Пор-Рояля естественно вытекал из убеждения, что все люди мыслят одинаково – с помощью одинаковых, универсальных понятий и суждений. Но они не останавливались на логическом универсализме. Последний они переводили в универсализм лингвистический.

Лингвистическая форма универсализма, как и его логическая форма, до сих пор господствует в обыденном сознании. Большинство людей и до сих пор убеждено в том, что разные языки отличаются друг от друга лишь своей внешней, звуковой стороной, тогда как внутренняя – смысловая, семантическая – сторона во всех языках, по их мнению, одна и та же, т.е. является универсальной. Что из того, что один и тот же предмет в разных языках обозначается с помощью

разных звуков, рассуждает универсалист, сам этот предмет остается одним и тем же. Универсальными (общечеловеческими), с его точки зрения, являются также понятие и значение слова. В итоге суть лингвистического универсализма сводится к пониманию содержательной стороны языка как универсальной семантической структуры. Категория формы для универсалиста есть категория исключительно внешняя, применяемая только к звуковой стороне языка. Язык для него лишь механизм для озвучивания одного и того же, универсального для всех людей содержания.

Новая эпоха в развитии общелингвистического подхода к изучению языка начинается с В. фон Гумбольдта (1767-1835). Он открыл новый – идиотнический – взгляд на содержательную сторону языка, который противостоит традиционному взгляду на нее – универсалистскому. Не отрицая универсального компонента в содержательной стороне языка, он, в отличие от авторов грамматики Пор-Рояля, а также и всех других языковедов, включая компаративистов, сумел увидеть в каждом языке носителя особого мировидения. Тем самым, он предвосхитил концепцию языковой картины мира у неогумбольдтианцев в XX в. Языковую картину мира он называл внутренней формой языка.

Критическое отношение к универсализму в науке созрело еще в Новое время – в частности, у Ф. Бэкона, настаивающего на необходимости создания особых грамматик для разных языков, и у Й. Гердера, который считал, что в любом языке запечатлен разум народа, создавшего этот язык. Но Ф. Бэкон и Й. Гердер лишь подготовили почву для гумбольдтианской революции в языкознании. Она состояла в том, что ее автор распространил категорию формы не только на звуковую сторону языка, но и на его содержание, т.е. создал учение о внутренней форме языка. Опираясь на него, он следующим образом критиковал позицию универсалиста в науке о языке: «Различия между языками суть для него различия в звуках, которые он применительно к предметам рассматривает просто как средства для того, чтобы добраться до них. Эта точка зрения пагубна для изучения языков, препятствует распространению знаний о языке, а уже имеющиеся делает мертвыми и бесплодными» [6; 60].

Форма, как известно, выражает содержание. Какое же содержание выражает форма в языке? Под содержанием («материей») в своем учении о характере языка В. Гумбольдт имел в виду язык вообще – в том смысле, что всякий язык содержит звуки и значения, но в конкретных языках первые являются в своих формах, а другие – в своих. Звуковые формы составляют в языке его внешние формы, а

смысловые – внутренние. Иначе говоря, под внешней формой того или иного языка В. Гумбольдт имел в виду его звуковое своеобразие, а под его внутренней формой – смысловое (семантическое) своеобразие.

Внешние формы языков лежат на поверхности, поскольку звуковые отличия между языками бросаются в глаза. Сложнее дело обстоит с их внутренними формами, поскольку семантические отличия между языками не лежат на поверхности, но спрятаны в их глубине. Внимание В. Гумбольдта было приковано к внутренней форме языков. Вот почему учение о внутренней форме языка составляет сердцевину гумбольдтовской характерологии языка. Л. Вайсгербер видел в этом учении предтечу своей теории языковой картины мира. Он писал: «Как раз-таки для Гумбольдта, который с удивительной неутомимостью вращивался во все новые языки, было ошеломляющим познание того, что каждый язык в его содержаниях обладает собственной картиной мира, присущим ему космосом понятий и мыслительных форм. То, что завораживало Гумбольдта в языке – это именно эта его внутренняя форма. И не существует более надежного средства осознать внутреннюю форму своего собственного языка, кроме как перенестись полностью в мир другого языка» [Там же. 56].

Термины «*внутренняя форма языка*» и «*языковая картина мира*» следует расценивать как синонимические, поскольку В. Гумбольдт интерпретировал внутреннюю форму языка как мировидение, заключенное в языке. Он писал: «Всякий язык в любом из своих состояний образует целое некое мировидения, содержа в себе выражение всех представлений, которые нация составляет себе о мире, и для всех ощущений, которые мир вызывает в ней» [Там же. 64].

Любой язык отображает мир, но отображает его с определенной точки зрения – той точки зрения, с которой смотрел на него народ, создавший данный язык. В любом языке, таким образом, представлен универсально-объективный аспект (он связан с отражением в языке объективной реальности как таковой) и субъективно-национальный (идиотнический), который отражает уже не мир как таковой, а точку зрения на него со стороны носителей этого языка. Последний из этих аспектов и позволяет нам говорить о языке как мировидении или о языковой картине мира. Переход от одного языка к другому представлялся В. Гумбольдту как смена одного языкового мировоззрения на другое. Он писал: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира» [1; 80].

Обоснование идиоэтнизма в языкознании, блестяще осуществленное В. Гумбольдтом, не означает, что великий немецкий мыслитель игнорировал универсальную сторону языковой картины мира. Универсальное в ней сосуществует с идиоэтническим. Более того, первое преобладает над вторым. В противном случае ни о каком взаимопонимании между людьми, говорящими на разных языках, не могло бы идти и речи. Вот почему в любом конкретном языке присутствует еще и язык вообще. В. Гумбольдт выразил эту мысль так: «Существует лишь Один язык, точно так же, как есть лишь Один род человеческий, и всякое различие меж расами не устраняет ни понятие человечества, ни возможность регулярного размножения. Это становится еще более ясным, если подумать о том, что и воздействующие на человека и тем самым на его язык условия окружающей природы по большому счету те же самые, и средства, которыми пользуются все языки как звуками, заключены не в слишком широкие границы... Во всех языках поэтому встречается единообразие, и была бы тщетной надежда отыскать в каком-либо из языков что-либо совершенно новое» [6; 59].

Как видим, В. Гумбольдт исходил из приоритета универсального в языковой картине мира над идиоэтническим, но он был далек от гипертрофии как первого, так и другого. Гипертрофия идиоэтнического в языке была характерна для неогумбольдтианцев [Даниленко, 2009в]. Гипертрофия универсального в языке идет в нашей науке от грамматики Пор-Рояля. В 60-е годы XX в. у нее нашлись американские преемники. Они направили свои усилия на поиск языковых универсалий – таких свойств языка, которые являются в идеале общими для всех языков.

В апреле 1961 г. в Нью-Йорке состоялась конференция, посвященная языковым универсалиям. По материалам этой конференции Дж. Гринбергом, Ч. Огудом и Дж. Дженконсом был составлен знаменитый *Memorandum concerning Language Universals*. Эти материалы Дж. Гринберг поместил в свою книгу *Universalsof Language*, которая была издана в 1963 г. Американцы вдохновили на поиск языковых универсалий советских лингвистов. В 1965 г. в Москве вышла книга Б.А. Успенского «Структурная типология языков», где типологические проблемы тесно переплетаются с теорией языковых универсалий. В ноябре 1966 г. в Москве была проведена конференция отечественных «универсалистов». Доклады ее участников легли в основу статей, опубликованных в сборнике «Языковые универсалии и лингвистическая типология», который редактировался И.Ф. Вардулем и вышел в Москве в 1969 г.

В приложении к указанному сборнику помещены языковые универсалии, выведенные русскими лингвистами. Приведу только два примера. Языковая универсалия Ю.А. Глазова: «Средняя протяженность некорневых морфем не больше протяженности корневых морфем» [8; 334]. Языковая универсалия Б.А. Успенского: «Инверсия порядка слов как способ логического или эмоционального подчеркивания (выделения)» [Там же. 339]. Подобных универсалий в приложении, о котором идет речь, довольно много. Но возникает вопрос: какой в них прок? Они выглядят как деревья, за которыми не видно леса. Они заслоняют фундаментальные признаки языка, которые действительно являются универсальными. К этим признакам, в первую очередь, относятся его субстанциональные и функциональные признаки. К числу первых относятся следующие признаки языка: его физическая, биотическая, психическая и культурная природа. К числу же функциональных признаков языка относятся его основные функции – коммуникативная, когнитивная и прагматическая.

Исходя из семи перечисленных фундаментальных языковых универсалий, мы можем следующим образом определить язык: *язык – это особый – биофизический и психический – продукт культуры, представляющий собою наиважнейшую систему знаков, которая выполняет три основных функции – коммуникативную (общения), когнитивную (познания) и прагматическую (практического воздействия на мир).*

Из семи фундаментальных языковых универсалий вытекают универсалии, производные от них. Так, из физической природы языка вытекает его звуковая сторона, без которой невозможен ни один язык. Из биотической природы языка вытекает его новая универсалия: ни один язык не может обойтись без участия в его функционировании органов речи. Подобным образом обстоит дело с психической и культурной сторонами языка. Любой язык локализуется в психике человека и является продуктом его культуросозидательной деятельности. Языковая система – результат этой деятельности. Из культурной природы языка вытекают новые языковые универсалии – его системность и знаковость. Первая указывает на универсальность парадигматических и синтагматических отношений в языковой системе, а вторая – на универсальность его основных единиц – фонем, морфем, лексем, синтаксем и текстов.

Универсальны, надо полагать, и механизмы функционирования языка в речевой деятельности. Возьмем, например, механизм фразообразовательной деятельности говорящего – тот механизм, который направлен на построение нового предложения. Он включает в себя три

периода – лексический, в процессе которого говорящий отбирает слова для создаваемого предложения, морфологический, в процессе которого он переводит их в морфологические формы, и синтаксический, в процессе которого он устанавливает в предложении определенный словопорядок.

Исходя из семи перечисленных фундаментальных языковых универсалий, мы можем следующим образом определить язык: *язык – это особый – биофизический и психический – продукт культуры, представляющий собою наиважнейшую систему знаков, которая выполняет три основных функции – коммуникативную (общения), когнитивную (познания) и прагматическую (практического воздействия на мир).*

Из семи фундаментальных языковых универсалий вытекают универсалии, производные от них. Так, из физической природы языка вытекает его звуковая сторона, без которой невозможен ни один язык. Из биотической природы языка вытекает его новая универсалия: ни один язык не может обойтись без участия в его функционировании органов речи. Подобным образом обстоит дело с психической и культурной сторонами языка. Любой язык локализуется в психике человека и является продуктом его культуросозидательной деятельности. Языковая система – результат этой деятельности. Из культурной природы языка вытекают новые языковые универсалии – его системность и знаковость. Первая указывает на универсальность парадигматических и синтагматических отношений в языковой системе, а вторая – на универсальность его основных единиц – фонем, морфем, лексем, синтаксем и текстом.

Итак, унификационный метод в лингвистике имеет две формы – частнолингвистическую (специальную) и общелингвистическую. Каждая из них направлена на описание отдельного языка, но первая берет его в индивидуальном виде, а вторая – в обобщенном. Общелингвистический подход к изучению языка обнаруживает в каждом конкретном языке язык вообще.

При этом надо помнить, что в любом конкретном языке язык вообще представлен как общее, универсальное в отдельном, индивидуальном, подобно тому, как в любом конкретном человеке представлен человек вообще, человек как представитель рода человеческого. Но вот на что здесь следует обратить особое внимание: поскольку индивидуален любой язык, то его индивидуальность следует рассматривать как языковую универсалию, подобно тому как человеческую индивидуальность следует расценивать как гуманитарную универсалию. Индивидуальна, например, картина мира,

заключенная в любом языке, следовательно, языковая картина мира – языковая универсалия. Такова диалектика общего и индивидуального. Она предполагает, с одной стороны, их различие, а с другой, взаимный переход друг в друга [Там же. 98].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985.
2. Даниленко, В.П. Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство/ В.П. Даниленко. – М.: ЛИБРОКОМ (УРСС), 2009в.
3. Даниленко, В.П. История русского языкознания: курс лекций / В.П. Даниленко. – М: Флинта: Наука, 2009а.
4. Даниленко, В.П. Общее языкознание и история языкознания: курс лекций/ В.П. Даниленко. – М.: Флинта: Наука, 2009б.
5. Даниленко, В.П. Ономазиологическое направление в грамматике/ В.П. Даниленко. – 2-е испр. изд. – М.: ЛКИ (УРСС), 2007.
6. Радченко, О.А. Язык как мирозидание. Лингво-философская концепция неогумбольдтианства / О.А. Радченко. – М.: Метатекст, 1997. – Ч.1.
7. Успенский, Б.А. Структурная типология языков / Б.А. Успенский. – М.: Наука, 1965.
8. Языковые универсалии и лингвистическая типология: сб. науч. тр. / Под ред. И.Ф. Вардуль. – М.: Наука, 1969.

© Тиллоева С.М., 2012